

Саракаева Ася Алиевна, Саракаева Элина Алиевна, Лебедева Ирэна Валерьевна

ПРОБЛЕМА ПОЛИТИЧЕСКОГО НАСИЛИЯ В "ПЕСНИ О НИБЕЛУНГАХ"

В статье на материале эпической поэмы "Песнь о нибелунгах" рассматриваются представления западноевропейского Средневековья о политическом насилии. Авторы исследуют те условия, при которых совершение насилия считалось морально допустимым и относительно безопасным для государства и общества, и выделяют такие критерии как актор, способ подготовки и метод реализации насилия.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2015/12-4/37.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 12 (62): в 4-х ч. Ч. IV. С. 155-158. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2015/12-4/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 94(4)

Исторические науки и археология

В статье на материале эпической поэмы «Песнь о нибелунгах» рассматриваются представления западно-европейского Средневековья о политическом насилии. Авторы исследуют те условия, при которых совершение насилия считалось морально допустимым и относительно безопасным для государства и общества, и выделяют такие критерии как актор, способ подготовки и метод реализации насилия.

Ключевые слова и фразы: «Песнь о нибелунгах»; политическое насилие; контроль над насилием; «земский мир»; деградация государственности.

Саракаева Ася Алиевна, к.и.н.

Саракаева Элина Алиевна, к. филол. н.

Хайнаньский государственный университет, КНР

asia-lin@mail.ru; 2698655292@qq.com

Лебедева Ирэна Валерьевна, к. соц. н.

Каспийский институт морского и речного транспорта, г. Астрахань

irenalebedeva@mail.ru

ПРОБЛЕМА ПОЛИТИЧЕСКОГО НАСИЛИЯ В «ПЕСНИ О НИБЕЛУНГАХ»[©]

Одной из базовых задач любого человеческого общества является ограничение и упорядочивание насилия внутри коллектива и организация совместной защиты от насилия, приходящего извне. Если эта проблема не решена и по сей день в сильных централизованных государствах, то тем более острой она была в условиях слабой верховной власти с избытком вооруженных людей, считавших применение насилия своим правом. И, действительно, как доказывает Ричард Кэупер в своей монографии «Рыцарство и насилие в средневековой Европе», эта проблема чрезвычайно занимала средневековых европейцев, поскольку у них были «специфические и убедительные причины заботиться о вопросах насилия и порядка» [3, р. 12]. Изучив документальные и художественные памятники этой эпохи, автор приходит к обобщению: «Что особенно беспокоит всех наших свидетелей, так это не бытовые преступления, не нападения крестьян на своих знатных эксплуататоров, не городские волнения, не восстания против налогов, но насилие со стороны рыцарей. Средневековая проблема сохранения порядка обрела свои особые очертания из-за автономности светских элит и их гордой привычки прибегать к насилию в защите своей чести» [Ibidem, р. 28].

Разумеется, светские государи и князья Церкви не могли не реагировать на такое положение дел, и в XI-XII вв. сначала под эгидой Церкви, а потом и силой государственных законов предпринимается ряд усилий по ограничению частных войн. Например, в Германии, начиная с майнцских законов Генриха IV в 1103 г., императоры и князья провозгласили несколько *Landfriede* / «земских миров», представлявших собой попытки цивилизовать применение насилия. Не вдаваясь в анализ этих документов, чтобы не уклоняться чрезмерно от нашей темы, назовем лишь несколько основных запретов, которые содержались в большинстве этих *Landfriede*. Ограничивались, главным образом, те категории людей, против которых рыцарям было дозволено обращать оружие. Так, запрещалось убийство клириков, женщин, невооруженных простолюдинов. Регламентации подвергались и способы преследования и уничтожения врага. Его можно было преследовать только вне жилища, под открытым небом. Если же враг успевал укрыться в любом доме, тем более храме, то преследование полагалось прекратить. Особо оговаривалась недопустимость поджога зданий с целью убить укрывшегося там врага. Кроме того, «земский мир» обязывал участников конфликта при малейшей возможности принимать миротворческие и посреднические услуги третьей стороны [2, р. 265-267].

Если проблема насилия так остро стояла перед обществом в целом и перед его правителями, то, разумеется, она не могла не проникнуть в художественную литературу, авторы которой являлись выразителями общественных настроений и, как правило, субсидировались дворами правителей. Не стала исключением и великая немецкая эпическая поэма «Песнь о нибелунгах», написанная анонимным автором предположительно в Пассау в конце XII или начале XIII века.

Многие исследователи сходятся на том, что «Песнь о нибелунгах» представляет собой «документацию систематического распада социального и политического порядка» [5, р. 167], «эпос о неудаче контроля над насилием» [2, р. 267]. С этой точки зрения, описанное в поэме бургундское общество, формализованное и упорядоченное, само предопределило свою гибель, впусив в свой мир носителей насилия как образа жизни, т.е. Зигфрида и Брюнхильду, и прибегнув к насилию против них [4, р. 263-264]. Соглашаясь с процитированными учеными в том, что «Песнь о нибелунгах» документирует эскалацию насилия и гибель государства, мы, тем не менее, отвергаем идею, согласно которой бургундский политикум начал распадаться именно с момента применения насилия и именно по этой причине. Напротив, мы собираемся показать, что «Песнь о нибелунгах» содержит примеры насилия разного порядка, и в разной степени губительного для общества: контролируемое, цивилизованное, рациональное, мужское насилие противопоставлено насилию бесконтрольному, стихийному, эмоциональному и женскому. Первый же контакт героев поэмы чреват достаточно

[©] Саракаева А. А., Саракаева Э. А., Лебедева И. В., 2015

серьезным политическим насилием, причем совершенно беспричинным и непредсказуемым. Зигфрид является в Вормс, чтобы посвататься к Кримхильде, однако про подлинную цель своего визита он не говорит ни слова. Вместо того, он требует, чтобы бургундский король Гунтер лично сражался с ним на поединке, поставив на кон всю свою страну. Попутно он задирает придворных, провоцируя их напасть на него всем вместе. Короли Гунтер и Гернот в ответ указывают на то, что Бургундия и без того принадлежит им по праву наследования. Их вассалы упрекают Зигфрида в неэтичном поведении – ведь он обижает их вызовом безо всякой вины. Все это не производит на Зигфрида никакого впечатления. Тем не менее, вспышку насилия удается предотвратить, когда Гунтер и Гернот приглашают агрессивного иноземца в гости, потчуют вином и обещают дружбу, если только он согласится сменить тон и перейти от угроз и требований к просьбам [1, с. 371-373]. В дальнейшем Зигфрид по-прежнему наслаждается насилием, то затевая совершенно ненужные драки с собственными слугами, то спуская медведя на своих товарищей по охоте [Там же, с. 414-415, 467]. Но все же, как мы видели на примере его первого конфликта с бургундами, даже этот человек, «уравнивающий королевский сан с завоеванием, а право управлять – с физической силой» [4, р. 262], не практикует насилие безгранично и бесконтрольно. Его можно остановить с помощью манипуляций, адресованных его самолюбию и чувству справедливости. Его агрессия блокируется демонстрацией уступчивости и дружелюбия. Тем более склонны к самоограничению другие персонажи поэмы. Объявляя войну, короли Людегер и Людегаст дают противнику 12 недель на мобилизацию. Когда они проигрывают войну и попадают в плен со своими людьми, их победители, в свою очередь, ведут себя гуманно, заботясь о раненых пленниках не хуже, чем об инвалидах собственной стороны [1, с. 375, 386-387].

Еще одна вооруженная стычка описана во второй части поэмы. Она более краткая, чем вышеупомянутая война против саксов и датчан, и практически ничего не добавляет к развитию фабулы. Но для нашего анализа она довольно важна в силу своей хронологической отнесенности к концу сюжета. Это столкновение произошло много лет спустя после знакомства бургундов с Зигфридом и его убийства, когда они, по словам Моуэтта, «уже испробовали грубую силу, и их устоявшиеся формы прекратили действовать» [4, р. 264]. Т.е., согласно логике исследователя, использовав в своих интересах Зигфрида, его несравненную мощь и склонность к насилию, а затем с помощью насилия же избавившись от него, бургунды навеки изменились. Они сами стали носителями и потенциальными жертвами насилия – поднявший меч от меча и погибнет. Однако в тексте поэмы нет указаний на какое-либо качественное изменение в способах мышления и поступках бургундских рыцарей.

При переправе через Дунай Хаген вынужден убить баварского перевозчика. Но нужно признать, что перевозчик сделал все возможное, чтобы приблизить такую развязку: он не только отказался перевозить бургундскую дружину через реку, но и обрушился на Хагена с руганью и даже ударил по голове веслом [1, с. 535]. Баварские маркграфы Гельфрат и Эльзе решают отомстить за своего подданного и нападают на бургундов. Но и в этот момент предводитель бургундского отряда Хаген делает попытку разрешить конфликт дипломатическим путем – он дает Гельфрату и Эльзе достаточные объяснения и предлагает виру за голову убитого [Там же, с. 540]. Так автор поэмы вновь показывает нам образец насилия, обусловленного необходимостью и самозащитой, и ограниченного понятиями о чести.

Теперь рассмотрим самый известный, самый судьбоносный акт политического насилия, совершенный бургундами, один из двух центральных эпизодов поэмы – убийство Зигфрида. «Песнь о нибелунгах» не жалеет бранных слов для убийцы нидерландского героя, называя его «жестоким», «вероломным», «высокомерным», «злым» [Там же, с. 471-473], а его поступок – «низостью», «предательством» и «преступлением» [Там же, с. 458, 462, 472]. Автор не оставляет читателю сомнений в своей резко отрицательной оценке этого деяния. И все-таки, даже в этом случае насилие носит цивилизованный характер. Что дает нам основание так утверждать? Во-первых, убийство Зигфрида было продумано и спланировано до деталей. Хаген обсудил его как минимум с четырьмя соучастниками, коварством разузнал об уязвимом месте своей жертвы, инсценировал иноземное посольство, устроил большую королевскую охоту, на которой ухитрился отделить Зигфрида от всех его слуг и любых случайных свидетелей, и только тогда убил [Там же, с. 457-470]. Такая тщательность в подготовке убийства, с одной стороны, гарантировала реализацию задуманного, с другой, – исключала возможность вовлечения посторонних и минимизировала насилие. Погиб лишь один человек, который и был изначально намеченной целью.

Во-вторых, и жертва, и способ, и место преступления соответствовали культурным представлениям Средневековья о допустимом уровне насилия. В частности, они ни в одном пункте не нарушают требований «земского мира». Убийство произошло в лесу, под открытым небом, убитый был вооруженным рыцарем. Смертельный удар был направлен в спину, так что о честном поединке говорить, конечно, не приходится. Но некоторым оправданием убийце может служить тот факт, что спина была единственным уязвимым участком тела у Зигфрида, так что у Хагена не было выбора, куда именно направлять копьё.

В-третьих, совершив преступление, Хаген и его короли на этом и останавливаются, не позволяя насилию разрастись и втянуть в свой круговорот родственников и вассалов Зигфрида. Всей нидерландской дружине и отцу убитого, старому королю Зигмунду, позволили беспрепятственно оплакать, отпеть и похоронить покойника, а затем под охраной вернуться на родину [Там же, с. 474-483]. С вдовой Зигфрида, своей сестрой Кримхильдой, бургундские короли помирились и получили от нее формальное прощение, скрепленное поцелуем [Там же, с. 485]. Кстати отметим, что Хаген из Тронье, оставшийся в стороне от этого примирения, ненавидимый Кримхильдой и ждущий от нее беды для себя и своих государей, предпринимает ряд усилий, чтобы лишить ее возможности эффективно мстить. Он отнимает у нее клад нибелунгов и пытается заблокировать ее повторный брак с гуннским королем Этцелем [Там же, с. 487, 495-496]. И все же ни разу даже он, при всей своей проницательности, жестокости и прагматизме, не помышляет о превентивном убийстве Кримхильды.

Таким образом, смерть Зигфрида в контексте «Песни о нибелунгах» и в целом средневековой европейской культуры предстает как предосудительный, прискорбный, но все-таки допустимый акт, отчасти извинительный, поскольку он был вызван уроном, который сторона жертвы нанесла чести убийц. Допустимость такого «цивилизованного» насилия, его соответствие культурно заданным ценностям и этическим рамкам подтверждается реакцией других персонажей «Песни о нибелунгах» на это убийство. Кроме Кримхильды никто, даже горящий о сыне Зигмунд, не пытается отомстить убийцам. Представленный в поэме как воплощение благородства и долга маркграф Рюдигер и великий герой Дитрих Бернский нисколько не гнушаются дружбой с Хагеном и его королями и не ставят им в вину вероломное нападение на гостя. Так что к гибели бургундов приводит не столько применение насильственных методов, сколько то, что эстафету насилия от них принимает существо, не способное ни на планирование, ни на самоконтроль – оскорбленная женщина.

Характерно, что именно месть Кримхильды автор объясняет внушением дьявола [Там же, с. 516]. Через все описание этой мести лейтмотивом проводится мысль о спонтанности и аффективности поступков героини. Она относительно искренне простила своих братьев, без специальной цели втереться им в доверие и обмануть, она вышла замуж за Этцеля без осознанного намерения использовать возможности второго супруга для мести за первого. Однако через 12 лет Кримхильда вдруг передумала: постоянно растравляя в себе чувство обиды, она начала мечтать о мести, забыла о примирении с Гунтером, и даже почетный и благополучный брак с королем гуннов стал казаться ей несчастьем, вину за которое она, разумеется, тоже возложила на Хагена и Гунтера [Там же, с. 516-517].

Не менее поразителен и убогий уровень организации мести. Едва бургунды успевают войти в ворота, Кримхильда тотчас демонстрирует свою враждебность, отказавшись поздороваться со своими старшими братьями и набросившись с упреками на Хагена. Попутно она угрожает Дитриху Бернскому – тому самому человеку, от которого ждет вооруженной поддержки в осуществлении своих планов [Там же, с. 555-556]. Затем она пытается натравить на Хагена толпу гуннских рядовых солдат [Там же, с. 562], даже не потрудившись заранее отобрать и подготовить убийц, у которых достало бы на это силы, мужества и мотивации. Потом она буквально мечется между вассалами своего мужа, упрашивая их выступить на ее защиту.

Единственное, что помогло Кримхильде добиться своей цели – это принципиальная аморальность, отсутствие каких-либо сдерживающих насилие факторов, будь то соображения о справедливости, достаточности, целесообразности или родственной привязанности. Она с легкостью жертвует не только интересами нелюбимого мужа Этцеля, но и жизнями своего маленького сына и трех братьев. Она последовательно нарушает все запреты «земского мира»: приказывает перебить невооруженную челядь бургундов [Там же, с. 577], навязывает бой врагам в жилище, а потом и поджигает это жилище [Там же, с. 586-600], срывает едва начавшиеся мирные переговоры между бургундами и Этцелем [Там же, с. 595-597]. В результате ее поступков насилие окончательно выходит из-под контроля, гуннская политическая организация начинает стремительно деградировать и скатываться в хаос. Теряется единоначалие и координация действий, поскольку король и королева отдают несогласованные друг с другом распоряжения. Рушится иерархия, государи уже не могут приказывать своим вассалам, они вынуждены покупать их услуги за наличные или на коленах умолять их о защите [Там же, с. 600, 603]. Маховик анархии раскручивается и захватывает даже тех, кто сознательно стремился уклониться. Дитрих Бернский приказывает своей дружине, амелунгам, держаться подальше от боя, но под влиянием творящегося вокруг насилия амелунги выходят из подчинения своему вождю и погибают [Там же, с. 612-620]. В финале поэмы политическое насилие и деградация государственности доходят до пика: Кримхильда лично обезглавливает безоружного пленника, а ее саму, женщину и королеву, разрубает на куски последний выживший вассал Дитриха. Сам же Дитрих и Этцель, не вмешиваясь, наблюдают за казнью, не имея уже ни сил, ни желания санкционировать ее или предотвратить [Там же, с. 628].

Итак, анализ «Песни о нибелунгах» показывает, что в контексте современной ей культуры политическое насилие рассматривалось как нежелательное и предосудительное явление, однако степень его допустимости варьировала в зависимости от акторов и методов осуществления. Если насилие осуществлялось легитимными акторами (а легитимным актором всегда выступает мужчина, даже если причиной насилия является обида, нанесенная женщине), если акт насилия хорошо продуман (т.е. его организация исключает ненужные жертвы) и хорошо реализован (с соблюдением моральных и легальных ограничений, в правильном месте, правильным способом), то такое насилие является допустимым. Оно видится как неизбежное зло, ответственность за него распределяется – хоть и в неравных долях – между насильником и спровоцировавшей его жертвой, оно не угрожает политической организации социума. Но если эти условия не соблюдены, то насилие становится неуправляемым и стихийным. Подобное стихийное насилие порождается нарушением социальной, в частности, гендерной иерархии, а также иерархии ценностей. Само же оно, в свою очередь, порождает цепную реакцию встречного насилия и разрушает сами основы государства и общества.

Список литературы

1. **Песнь о нибелунгах** // Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о нибелунгах. М.: Художественная литература, 1975. С. 357-628.
2. **Jackson W. H.** Court Literature and Violence in the High Middle Ages // German Literature of the High Middle Ages. N. Y.: Camden House, 2006. P. 263-276.
3. **Kaeuper R. W.** Chivalry and Violence in the Medieval Europe. Oxford: University Press, 1999. 340 p.
4. **Mowatt D. G.** Studies towards an Interpretation of the Nibelungenlied // German Life and Letters. 1961. Vol. 14. Issue 4. P. 257-270.
5. **Samples S.** The German Heroic Narratives // German Literature of the High Middle Ages. N. Y.: Camden House, 2006. P. 161-184.

PROBLEM OF POLITICAL VIOLENCE IN “THE SONG OF THE NIBELUNGS”

Sarakaeva Asya Alievna, Ph. D. in History
 Sarakaeva Elina Alievna, Ph. D. in Philology
 Hainan State University, The People’s Republic of China
 asia-lin@mail.ru; 2698655292@qq.com

Lebedeva Irena Valer'evna, Ph. D. in Sociology
 Caspian Institute of Sea and River Transport (Branch) of Volga State Academy of Water Transport
 irenalebedeva@mail.ru

In the article by the material of the epic poem “The Song of the Nibelungs” the ideas of the Western European Middle Ages about political violence are considered. The authors study the conditions, under which the commission of violence was morally acceptable and relatively safe for the state and society, and identify such criteria as the actor, the way of preparation and the method of violence realization.

Key words and phrases: “The Song of the Nibelungs”; political violence; control of violence; “Landfrieden”; degradation of statehood.

УДК 34

Юридические науки

В данной статье рассматриваются особенности коллизий в российском праве. Автор обосновывает актуальность выбранной темы. Объектом исследования являются нормы российского права в рамках изучения их коллизионной составляющей. Анализируются такие проблемы как причины возникновения коллизий, соотношение правовых коллизий с правовой конкуренцией и юридическим конфликтом. Вклад автора обусловлен разработкой практических рекомендаций по разрешению коллизий между нормами российского права и нормами международного права, в т.ч. благодаря внедрению в национальную систему принципа “ordre public”.

Ключевые слова и фразы: правовые коллизии; коллизионность объективного права; положительность коллизий; конкуренция; юридический конфликт; *ordre public*.

Сарибемян Степан Норикович

Московский государственный машиностроительный университет (МАМИ)
 0601991@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ КОЛЛИЗИЙ В РОССИЙСКОМ ПРАВЕ[©]

Вопросы коллизий в российском праве достигли пика своей значимости со вступлением России в современный этап развития общества, предполагающий построение его на основе плюрализма форм собственности и свободы частного предпринимательства. Значимость этого определяется не только незавершенностью этого общества и новой системы права, но также и тем, что вектор развития общества характеризуется отсутствием каких-либо зрелых предпосылок такого перехода.

Юридические коллизии вкупе с политическими неурядицами рушат основы правопорядка и стабильность в обществе, деформируя человеческое правосознание и создавая критические ситуации социальной направленности. Все это говорит о невысоком уровне правовой культуры, развитие которой блокируется юридическим нигилизмом.

Одна из основных особенностей коллизий в российском праве, которую подмечали в юридической литературе, состоит в несогласованности между правовыми установками. Среди причин возникновения коллизий можно выделить:

- несовершенство законов, судебные ошибки;
- произвольное толкование Конституции и других актов;
- выход отдельных органов за пределы своих полномочий [1];
- слабое и неполное правовое регулирование определенных сфер, отступление от действующих норм;
- текстовые ошибки [6];
- недостатки в организации правотворческой деятельности;
- сознательное запутывание законодательства в корыстных целях [2].

Объективные	Субъективные
Причины, которые не зависят от воли законодателя (связанные с динамикой правоотношений во времени, протяженностью отношения в пространстве, необходимостью дифференцированного регулирования отношений)	Нечеткое разграничение законодательной компетенции, недостаток информации о правовой урегулированности какого-то вопроса

Рис. 1. Причины возникновения коллизий